

УДК 398.1

**ОБРАЗ НАИБА ХАДЖИ-МУРАТА
В ФОЛЬКЛОРЕ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА**
(К 200-летию со дня рождения Хаджи-Мурата)

М. Р. Халидова

Институт языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы ДНЦ РАН

В статье рассматривается образ легендарного наиба Хаджи-Мурата, представленного в дагестанских преданиях, легендах, верованиях, эпических традициях.

The article discusses the image of the legendary naib Hadzhi-Murat, represented in Daghestan legends, beliefs, epic traditions.

Ключевые слова: Кавказская война; наиб; предания; притча; верования; нартский мотив; типовая ситуация; эпический герой

Keywords: the Caucasian war; naib; legends; parable; Nart motif; typical situation; the epic hero.

Легендарный Хаджи-Мурат, «самый предприимчивый и влиятельный сподвижник Шамиля» (М.С. Воронцов), был «ярким явлением в плеяде героев Кавказа» (Л. Бланч). К данному высказыванию можно добавить, что он являлся и самой трагической личностью среди наивов Шамиля. Причиной этого в немалой степени была слава Хаджи-Мурата, которая, как верно заметил известный историк М.А. Аммаев, «постепенно стала опережать его самого. Если Шамиль был знаменем борьбы, то Хаджи-Мурат становился ее душою. Его имя вдохновляло соратников, с ним связывали успех и удачу, его боялись враги» [1, с. 10].

У прославленного наиба, как и у всех исключительных личностей, были недоброжелатели, завистники и среди наивов Шамиля, и среди перебежчиков на сторону русских. И те и другие «с хитростью и коварством лисы» (Л. Бланч) клеветали на него, пытаясь подорвать доверие к нему как Шамиля, так и царского командования. И в этом они преуспели.

Не сложились у Хаджи-Мурата взаимоотношения и с Ахмед-ханом Мехтулинским, который испытывал зависть к его славе, воинским успехам, влиянию и популярности, а также покровительству генерал-майора Клюки фон Клюгенау. Отношения между ними со временем обострились и даже «переросли во вражду» (М. Гаммер) с назначением Ахмед-хана Мехтулинского правителем Аварии. Последний всячески пытался настроить царское командование, в частности генерала Клюгенау, против Хаджи-Мурата. Ахмед-хан давал невыполнимые поручения Хаджи-Мурату, чтобы создать у русского командования мнение о неблагонадежности наиба. Показателен в этом плане приказ Ахмед-хана, который, заведомо зная, что в Хебдальском* участке отсутствует лес, повелел Хаджи-Мурату как наибу этого участка доставить в хунзахский гарнизон по одному вьюку дров с каждого дома. И тогда Хаджи-Мурат вынужден был ответить Ахмед-хану, что его приказ не выполним и доставить дрова он не смог.

* Хебдальский (производное от *хедулал*) – название нескольких сел около Хунзаха.

В результате Ахмед-хан арестовал «возмутителя», и в течение семи дней (зимой) его держали в кандалах в крепости. Затем ночью его отправили под конвоем в Темир-Хан-Шуру. У подножия Буцринского хребта, когда арестованный и его сопровождающие оказались над крутым обрывом, Хаджи-Мурат бросился вниз.

После этого безумного прыжка Хаджи-Мурат остался жив, с переломанной ногой он добрался до Гоцатля, где жил его родственник Арцулмеэр. Здесь Хаджи-Мурат принял решение поехать к имаму Шамилю. Об этом он сказал Арцулмеэру: «Пойди завтра в Хунзах, расскажи им все, что случилось со мной, а также скажи, что я поеду к имаму Шамилю в Дарго. Если кто пожелает повидаться, пусть приедет туда» [2, с. 40].

Генерал Клюгенау дважды через лазутчиков отправлял письма к Хаджи-Мурату с предложением вернуться. Хотя Хаджи-Мурат верил обещаниям генерала, что он поможет восстановить разрушенные русскими его дом, дома и соседей, даст денег, и, возможно, будет ходатайствовать о следующем офицерском чине, но «главного генерал не сделает» (Б. Гаджиев) – не избавит Хунзах от Ахмед-хана Мехтулинского.

Когда Хаджи-Мурат приехал в Дарго, Шамиль не совсем поверил ему. Он назначил его наибом селения Тлох, которое не подчинялось ни имаму, ни русским. Тлохцы, затем и другие окрестные хиндаляльские селения*, а также сел. Цельмес добровольно подчинились Хаджи-Мурату. Вскоре он со своими сподвижниками переехал в сел. Цельмес. Ахмед-хан и там продолжал преследовать Хаджи-Мурата. Он подарил своего жеребца Гасану, жителю сел. Муцули, и отправил его в Цельмес с поручением убить Хаджи-Мурата [2, с. 40–42].

Гасан каждый день приезжал в Цельмес на жеребце Ахмед-хана, но не торопился выполнять его поручение, боясь мести родственников Хаджи-Мурата. И тогда Ахмед-хан повелел убить двоюродных братьев Хаджи-Мурата – Хедараса и Хаджиява и троюродного брата Испаги. Хаджи-Мурат понял замысел Ахмед-хана. При очередном появлении Гасана в сел. Цельмес он был убит.

С ноября 1840 г. Хаджи-Мурат становится сподвижником Шамиля. Именно в этот период засияла его звезда и он стал выдающимся героем Кавказской войны, блестящим продолжателем героических деяний своих предшественников – земляков Хири-ясул Алибека и Ахбердил Мухаммеда. С переходом Хаджи-Мурата на сторону мюридов к ним перешла большая часть обществ, расположенных по верховьям Аварского Койсу. И в результате русские власти на многие годы потеряли свое влияние над Дагестаном.

Начиналась «блистательная эпоха» Шамиля, период его самых больших успехов. И в этом была огромная заслуга «обоюдоострой шпаги» (М. Воронцов) Хаджи-Мурата, полководческого дара наиба, который все время находился в гуще военных действий.

Хаджи-Мурат совершил немало удачных и даже ошеломляющих операций, бесстрашие его «было поразительно даже на Кавказе» (А. Зиссерман). Одной из самых дерзких операций лихого наиба был набег в Дешлагар** для угона из русского гарнизона табуна лошадей. Благодаря умелой тактике и оперативности эту рискованную операцию Хаджи-Мурат провел молниеносно и без единой жертвы. Здесь он

* *Хиндаляльские селения* – садоводческие селения в долине двух рек – Аварское и Андийское Койсу.

** *Дешлагар* – ныне сел. Сергокала.

впервые перед походом приказал подковать лошадей наоборот, чтобы обмануть преследователей.

Рассказывают, что перед набегом в Дешлагар Хаджи-Мурат со своими мюридами прибыл в сел. Маали. От имени Шамиля он обратился к джамаату селения с просьбой, чтобы ему дали в помощь 35–40 юношей (предание «О набеге Хаджи-Мурата в Дешлагар»).

Обращает на себя внимание следующий эпизод из этого предания, демонстрирующий фольклорную эстетику героического, воинское кредо горцев. Бегавул (старшина) селения Маали настойчиво приглашал в гости Хаджи-Мурата и сопровождавших его мюридов, на что прославленный наиб Шамиля ответил: «Мы, воины, отвыкли от горячей пищи и мягкой постели, каждый из нас имеет при себе бурку, заменяющую нам постель, жажду мы утоляем родниковой водой, а необходимая еда (толокно. – М.Х.) имеется при нас» [3].

В данном высказывании, характеризующем суровость быта, неприхотливость горцев-воинов (довольствующихся в военных походах толокняной мукой), как было сказано выше, проявляются не только морально-этические принципы поведения, которых придерживаются как простые горцы, так и руководители народно-освободительной борьбы (Шамиль, Хаджи-Мурат и др.), но и раскрывается психология воина, характер наиба, национальная ментальность.

Осенью 1850 г. на Кавказ приехал наследник престола Александр II Николаевич. Неуловимый Хаджи-Мурат, неожиданно появившись на Нухинском почтовом тракте, захватил почту и угнал лошадей. В этом набеге он чуть было не взял в плен наследника российской короны Александра II [4].

И таких отчаянных набегов лихой Хаджи-Мурат совершил немало. Уходящего от преследователей Хаджи-Мурата в народных песнях характеризуют так: «с волчьей походкой, с бегом зверя» (*бацГилаб хъамигун, хъурмил гъелигун*).

Отвага, решительность Хаджи-Мурата, его военный талант вызывали восхищение, признание не только горцев, но и врагов. Вот как характеризует его военный знаток Окольный: «То был искусный партизан <...>. Для него (Хаджи-Мурата. – М.Х.) ничего не стоило с четырьмя-пятьюстами конных появиться в тылу войск, далеко в глубине занятого нами края, перейти сегодня семьдесят, завтра сто верст, отвлечь фальшивой тревогой войска совершенно в другую сторону и, пользуясь всеобщей суматохой, ускользнуть безнаказанно» [цит. по: 5, с. 145].

П.А. Павленко, автор книги «Шамиль», дает верную и точную характеристику Хаджи-Мурату: «Рожденный для войны, Хаджи-Мурат только в ней, как в единственной цели жизни, видел свое героическое призвание. Мир был для него лишь единственным отдыхом после законченной и еще не начатой операции. И в этом – жизнь» [6].

Разносторонне предстает образ Хаджи-Мурата в преданиях народов Дагестана. При художественном воплощении событий, образа Хаджи-Мурата изначально мог содержаться вымысел, устойчивые «общие места», мотивы, на основе которых складываются предания. Показательны в этом плане предания «Секрет мужества», «Хаджи-Мурат и граф Воронцов» (авар.), «Шамиль и Хаджи-Мурат» (лак.) и др., которые построены на мотиве состязания героев, посредством которого определяется сильнейший.

Об отчаянной храбрости, безудержной отваге Хаджи-Мурата ходили легенды еще при его жизни. По преданию «Секрет мужества» [7, с. 60], слава о мужестве Хаджи-Мурата заставила прославленного предводителя чеченцев явиться в Хунзах. Он заявил Хаджи-Мурату: «Я готов драться с тобой хоть на саблях, хоть на кулаках». Хаджи-Мурат на это сказал: «Не горячись, друг мой, у нас нет кровников, нет оскорбленной родственницы, нет и имущества, чтобы делить. Зачем нам драться на мечах: либо я убью тебя, либо ты меня. Коль ты такой мужественный человек и хочешь проверить мою доблесть, давай по нашему обычаю, засунув друг другу пальцы в рот, кусать их. Кто первый вскрикнет, тот и проиграет». Гость проиграл спор.

В аналогичном предании граф Воронцов, не выдержав, первый вскрикнул. Отпустив его палец, Хаджи-Мурат сказал: «И мне было больно, казалось, вот-вот вскрикну, но я нашел в себе силы и не издал еще две-три секунды ни звука. В подобном заключается секрет мужества» [8].

В приведенных преданиях образ Хаджи-Мурата возвышают не храбрость, не героические деяния, а «неукоснительное соблюдение правил морально-этического кодекса» (А.А. Ципинов), присущего кавказским эпическим героям. В единоборстве, не требующем особой храбрости, уменя, выиграл тот, кто обладал большей выдержкой. В нарочитой простоте и конкретности демонстрации Хаджи-Муратом «секрета» своей доблести заложена такая характерная черта, присущая идеальному герою, как его выдержка, не раз восхищавшая даже врагов.

Известный нартский мотив поиска более сильного противника получает новое воплощение в типологически общих для народов Кавказа преданиях о героях, молва о мужестве, храбрости и силе которых идет по свету. И в результате «громкая слава» (А.А. Ципинов) героев, не терпящих превосходящих соперников, является причиной их конфликтов.

В дагестанской народной исторической прозе мотив поиска более сильного противника приобретает своеобразную местную интерпретацию, определенную художественную условность, при которой поединок героев, характерный для предшествующей традиции, заменен горским устоявшимся обычаем, определяющим сильнейшего. В итоге намеченный конфликт между героями не получает дальнейшего развития.

В лакском предании «Шамиль и Хаджи-Мурат» народные критерии мужества героев находят иную форму решения. Герои спрашивают друг у друга, какой самый значительный подвиг каждый из них совершил. Шамиль сказал, что наиболее запоминающейся для него была героическая защита сел. Гимры в октябре 1832 г. [9].

В ответ Хаджи-Мурат поведал о подвиге, который запечатлелся в его памяти. Однажды он шел по лесу. Кругом было тихо, безлюдно. Вдруг он наступил на что-то мягкое, и оно страшно вскрикнуло. Он придавил его ногой, чтобы не убежало. Затем, не глядя, взял в руки – оказалось, что это был заяц [10].

Здесь сравниваются два типа мужества. В первом случае мужество в смертельной схватке с врагом, которого видишь и знаешь, чего от него можно ожидать. Во втором случае хладнокровие, мужество проявляются при встрече с таинственным врагом или с «чудовищем», которого не видишь и не знаешь, и соответственно не можешь представить, что тебя ожидает в смертельной схватке с ним. Здесь мужество, если можно так сказать, «высшей пробы». Соответственно Хаджи-Мурат побеждает.

Примечательно, что вторая часть приведенного предания самостоятельно бытует в сел. Хунзах, согласно ему, этот мужественный поступок Хаджи-Мурат совершил еще в подростковом возрасте. «Говорят, на вопрос: “Когда ты понял, что не боишься?”, будучи уже взрослым, Хаджи-Мурат ответил: “Когда глухой ночью дед послал меня за конем в Бакда (место выпаса) и босой наступил на что-то мягкое и пушистое. Я мигом опустил руку и взял это в руки. Оказалось, заяц, которого я держал за уши. Это был мой первый смелый поступок”» [1, с. 6].

Согласно преданию «Пуля Хаджи-Мурата не знает», бесстрашный наиб иначе повел себя в минуту опасности. В одном из боев он, услышав свист, пригнулся в седле. Один из приближенных заметил: «Как же это храбрый Хаджи-Мурат мог показать такую слабость?» На что наиб ответил: «Пуля Хаджи-Мурата не знает» (т.е. пуля не отличает храбреца от труса) [7, с. 58]. В настоящее время это выражение бытует как поговорка. При всем неприятии горцами малодушия и проповеди культа героизма смелость в народном представлении не мыслилась без сочетания ее с такими качествами, как осторожность, предусмотрительность.

Недаром Хаджи-Мурату приписывают и другое выражение: «Нет такого молодца, которому неведомо чувство страха. Тот истинный храбрец, кто умеет пересилить страх».

Как вытекает из анализа приведенных произведений, их персонажи (Шамиль, Хаджи-Мурат, граф Воронцов, предводитель чеченцев) являются реальными историческими личностями, но сам сюжет, о котором рассказывается, может быть целиком вымышленный, построенный на типовых ситуациях, которые выкристаллизовываются в определенную форму. Как известно, сюжетный вымысел характерен для исторической прозы, но это не лишает его историзма. Вполне допустимо, что герои преданий могли оказаться в такой же характерной типовой ситуации. При этом определяющим критерием для них является изображение исторической действительности и героизма, стойкости конкретных личностей.

Как говорилось выше, варьирование устоявшимися сюжетными компонентами также является одной из составляющих искусства построения произведения. Типологически общим для фольклорных произведений выступает мотив испытания героев, который в трансформированном виде встречается в преданиях о Хаджи-Мурате. По древнейшим традиционным представлениям, магические способности предводителя определялись через испытания. В преданиях о Хаджи-Мурате в результате подобных действий выявляются характерные для него качества: решительность, безудержная смелость, отвага, хладнокровие в минуту опасности или искушения судьбы и т.д. (предания «Испытание Хаджи-Мурата» (авар.), «Спор офицеров» (дарг.), «Хаджи-Мурат в ловушке» (авар.) и др.).

Рассмотрим, как в даргинском предании «Спор офицеров» сам Хаджи-Мурат испытывает свою судьбу. Как-то офицеры поспорили, одни утверждали, что судьба, рок, предопределение существуют, другие, в их числе генерал, возражали им. Очевидец этой полемики Хаджи-Мурат, предпочитавший действия бесплодным рассуждениям, вытащил свой серебряный пистолет, поднес к своему виску и нажал на спусковой крючок. Выстрела не последовало. С тем же револьвером в руках, подняв коня на дыбы, он бросился в бурную реку. Все считали, что он погибнет. Однако Хаджи-Мурат с конем сумел выбраться на берег реки. Все еще держа в руке пистолет, он подъехал к свите генерала и, направив оружие в другую сторону, нажал на

спусковой крючок – раздался выстрел. После этого Хаджи Мурат спросил у генерала: «Как, генерал, есть судьба или нет?» [7, с. 56–57].

В типологически сходном адыгском сюжете мотив предопределения судьбы используется старшим братом Озырмесом в назидательной форме для преодоления трусости младшего брата Темиркана. И здесь ружье трижды дало осечку. Когда же старший брат в четвертый раз направил ствол в небо, ружье выстрелило. «Так вот, – сказал Озырмес, – пока смерть сама не пришла, не умрешь» [11].

Основная мысль, звучащая в этих произведениях, – предначертанность судьбы, рока, которой невозможно избежать, что, видимо, является проявлением мусульманской идеологии. По дагестанским верованиям, «судьба человека написана на небесах».

Заметим, что в преданиях «Спор офицеров», «Хаджи-Мурат в ловушке» критерием определения мужественности героя и искусства владения конем служит переход через бурную или разлившуюся реку, что является устойчивым стереотипом, «общим местом» сюжета народной исторической прозы, восходящим в своей основе к героическому нартскому эпосу.

По аварскому преданию «Испытание Хаджи-Мурата», тифлисский генерал повсюду проверял силу и доблесть отважного наива. «Как-то генерал с наивом любовались конями, которые паслись на большой поляне, возвышающейся над скалистой пропастью. Уверенный в том, что Хаджи-Мурат погибнет, генерал предложил ему приручить необъезженного скакуна. Хаджи-Мурат ловко вскочил на коня, который понесся, как выпущенная пуля. Но, доскакав до края пропасти, наив почувствовал, что не сумеет повернуть его назад. Тогда он прощально провел рукой по спине коня, а сам соскочил с него и остался жив» [7, с. 87].

Мотив испытания героя в анализируемых преданиях приобретает реальную интерпретацию, утрачивая древнюю магическую семантику. В приведенном выше предании традиционное восприятие героя (вождя) в единстве с почитаемым богатырским конем находит своеобразное решение. Наив, решив обуздать скакуна, почти что укротил его. Здесь передается родство неукротимого Хаджи-Мурата с необъезженным скакуном, порождением природы. В прощальной ласке выражена любовь Хаджи-Мурата к скакуну, восхищение конем и вместе с тем понимание его неминуемой гибели. Художественный вымысел в этих преданиях носит реальный характер, события развиваются в них так, как они, по народному восприятию, могли происходить в действительности.

В дагестанском фольклоре бытуют также устные рассказы, предания о Хаджи-Мурате, которые формировались на основе действительных событий, фактов, впечатлений очевидцев. Если характеризовать эти предания в целом, то можно сказать, что они «являются близким к зеркальному» (В.И. Васильев) отражением реальных событий, хотя и через субъективное восприятие.

В сборнике Гамзата Ясулова «Хунзахские предания о Хаджимурате» (2000) в целом верно отражены конкретные события, связанные с Хаджи-Муратом, описаны его ошеломляющие, молниеносные операции. Они доносят до нас образ неустрашимого Хаджи-Мурата, который оказывал магическое воздействие как на своих соратников, так и на врагов. Стоило сказать: «Хаджи-Мурат идет», враги тут же разбежались.

Память народа сохранила для потомков предания о своем любимце Хаджи-Мурате, носителе высокой героики, удали, бесстрашия.

Однако не во всех фольклорных произведениях о Хаджи-Мурате в точности переданы действительные события, не всегда оценки о тех или иных личностях верны и объективны. Так, по народным версиям и преданиям, бытующим среди аварцев, интриги завистников сыграли существенную роль в разладе между Шамилем и Хаджи-Муратом. При этом в воспоминаниях очевидцев, например, Абдурахима, сына Джамалутдина и зятя Шамиля, а также в отдельных преданиях выдвигаются не всегда достоверные версии. Так, по воспоминаниям Абдурахима, заявление Хаджи-Мурата, что «имамом будет тот, у кого шашка острее», было сделано в кругу двух лиц: Ахбердил Мухаммеда и Газиява Андийского. Это стало известно Шамилю, и Хаджи-Мурат с тех пор якобы держал их на подозрении [12, 13].

Следует заметить, что Ахбердил Мухаммед погиб у аула Шатиль в 1843 г. Приведенное заявление было сделано Хаджи-Муратом в 1847 г., следовательно, Ахвердил Мухаммед не мог быть причастен к изложенной выше ситуации.

Согласно другой версии, известное заявление Хаджи-Мурата было якобы высказано после андийского съезда в Дарго в 1847 г. в присутствии товарищей, среди которых был Инквачилав, который якобы и передал этот разговор имаму [см.: 14].

По воспоминаниям потомков наиба, преданиям о нем аварцев, Инквачилав предстает как человек ученый, рассудительный, мудрый, благородный. Кроме того, Шамиль освободил Хаджи-Мурата от наибства не после андийского съезда, а спустя четыре года (после его неудачного похода в Табасаран в июле 1851 г.).

Критерии определения предводителя, изложенные в роковом для Хаджи-Мурата заявлении, восходят к языческим представлениям, когда сила, удачливость претендента при выборе вождя являлись основополагающими качествами. Наибы, признавая полководческий талант и воинские достоинства Хаджи-Мурата, осознавали вместе с тем, что будущий имам должен обладать и качествами дальновидного политика и стратега, мудрого правителя и законодателя и т.д.

Горячность, отсутствие дипломатического такта, присущие наибу, – качества, обычно осуждаемые горцами и не приемлемые для предводителя. Но Хаджи-Мурат был любимцем хунзахцев, олицетворением героизма, удали, удачи, и, очевидно, поэтому его действия не были предосудительными в их восприятии, и они были склонны переложить вину за разлад с имамом на других (отдельные наибы, особенно Даниял-бек Елисуйский, преуспели в этом). Кроме того, не последнюю роль сыграла также известная неприязнь хунзахцев к Шамилю после гибели ханской семьи.

Суровый с виду Хаджи-Мурат, по преданиям, как традиционный военачальник был справедлив, великодушен, прост в общении с рядовыми воинами. Подобные предания переданы с установкой на достоверность, как повествования о действительно имевшем место событии, случае, факте. По даргинскому преданию «Хаджи-Мурат и акушинец», во время похода шамилевских войск мюриды устроили привал у небольшого родника. Так как было время намаза*, образовалась длинная очередь, чтобы набрать воды из родника. К хвосту очереди подошел и Хаджи-Мурат, которого мюриды пропустили вперед. Но когда он подходил к роднику, огромного роста акушинец неожиданно загородил ему дорогу, говоря: «А ты куда лезешь, разве не видишь, что такие же, как ты, мужчины стоят в очереди!» Хаджи-Мурат молча выслушал его, мюриды-

* *Намаз* – ежедневная пятикратная молитва, обязательная для мусульман.

аварцы попытались настроить его против акушинца, но он сказал: «Он не знает меня, следовательно, не обязан почитать» [7, с. 59–60].

Хаджи-Мурат, по преданиям, при встрече с достойным противником всегда воздавал ему должное, что характерно для традиционной фольклорной характеристики полководца. Эти его качества проявляются во взаимоотношениях с различными персонажами, а также в конкретных поступках и действиях. Так, по аварскому преданию «Хаджи-Мурат и козий пастух» [7, с. 58–59], наиб, возвращаясь из дальней поездки, встретил на горе Чина (ЧИнамегIер) молодого козьего пастуха. Он шутливо попросил у него одного козленка. Тот, не поняв шутки, сердито отказал незнакомцу. Тогда Хаджи-Мурат вновь пошутил: «Если не дашь, я сам, скрутив, возьму». Не на шутку рассердившись, пастух «наградил» Хаджи-Мурата кулачными ударами. Но, к его удивлению, тот только засмеялся, вскочил на коня и ускакал. Глядя ему вслед, пастух подумал: «Видно, трусливый этот человек, хотя весь обвешан оружием».

Прошло два месяца после этой встречи, и козий пастух получил письмо от Хаджи-Мурата, в котором тот сообщал, что готовится в поход, и было бы кстати, если бы пастух прислал ему двух коз. В этот же день пастух с тремя упитанными козами сам прибыл в Хунзах. Он спросил у мюридов, который из них Хаджи-Мурат. К нему тут же подошел тот самый незнакомец, поздоровался с ним и, улыбаясь, стал подтрунивать над пастухом, который так быстро забыл своего «друга».

Хаджи-Мурат, по преданиям, при конфликтных ситуациях без необходимости, как правило, не шел на обострение. Так, в лакском предании «Наказание багиклинца» в переосмысленной форме изображается известный мотив поиска более сильного противника. Хаджи-Мурат, прослышав, что некий багиклинец* хвастается, что если бы он встретился с наибом, то показал бы, кто из них более отважен, решил проучить его. Он подкараулил багиклинца, когда тот, обвешанный оружием, выходил из дома. «Эй, бахарчи**, давай показывай свою удаль! Я Хаджи-Мурат, с которым ты так долго искал встречи», – обратился он к багиклинцу. Тот, дрожа от страха, сказал: «Хаджи-Мурат! Прости мой глупый язык! Я его накажу – откушу наполовину». Вслед за этими словами послышались невнятные звуки. Хаджи-Мурат, поняв, что этот человек сам себя наказал, покинул этот аул [7, с. 59].

Отход от традиционных канонов изображения поединка героев, своеобразная поучительная форма самонаказания придают преданию притчевый, назидательный характер.

В структуре приведенных преданий в трансформированном виде сохраняется мотив испытания героя, характерный для мифологических повествований. В отличие от мифологических сказок, где посредством испытания выявляется персонаж, наделенный магическими способностями, в преданиях мотив этот получает реальное осмысление. Отход от традиционных канонов изображения поединка героев, своеобразная форма наказания провинившегося, стремление к реальности повествования характеризуют эти предания. Достоверность в анализируемых преданиях достигается указанием места действия (гора Чина, сел. Хунзах), персонажей (акушинец, багиклинец).

* *Багикла* – лакский аул недалеко от сел. Ункатль Лакского района, считался аулом аварских переселенцев.

** Молодец, храбрец.

Органическое сочетание мифологических мотивов и реалистических описаний отличает кубачинское предание «Шашка Хаджи-Мурата». Как известно, одним из характерных средств раскрытия образа героя-богатыря служат его воинские атрибуты. К таковым, как правило, в преданиях относится культовое богатырское оружие (топор, палица, булава, меч и т.д.), которое выступает в качестве сакрального атрибута героя. По даргинскому преданию, подобным оружием – саблей, изготовленной искусным кубачинским мастером Алтунчи, обладал Хаджи-Мурат. На этой сабле арабской вязью были выгравированы слова: «Не вынимай из ножен без нужды». Сабля эта была наделена необычными свойствами: ночью она излучала свет, подобно светильнику. Блеск ее освещал темную ночь. Когда саблю вынимали из ножны, она раздваивалась [7, с. 61]. Естественно, владеть таким оружием мог только необыкновенный герой.

Существует и другой вариант этого предания. Рассказывают, что один кубачинец выковал меч из стали мастера Базалая, с разветвляющимися клинками, ударом которых можно было разрубить скалу. Этот необычный меч кубачинцы подарили Хаджи-Мурату с магическим заклинанием: «Сто пуль, которые в тебя попадут и сто кинжальных ран пусть не принесут тебе смерть» [15]. По верованию кубачинцев, Хаджи-Мурат был неуязвим, пока он владел этим магическим мечом.

В позднейших представлениях горцев образ Хаджи-Мурата сакрализируется. Так, по табасаранскому преданию «Склон Хаджи-Мурата», «недалеко от сел. Хурик на альпийских лугах находится местность «Склон Хаджи-Мурата» («ГьяжимуртІлик»), где остановился приехавший в Табасаран отряд Хаджи-Мурата. Происходило это в жаркое летнее время, горцы изнывали от зноя. Вдруг на небе появилось большое облако, напоминающее шатер, и благодаря этому отряд Хаджи-Мурата оказался в тени. Когда Хаджи-Мурат и его сподвижники тронулись в путь, то и облако последовало за ними» [16].

Здесь Хаджи-Мурат и его сподвижники, приехавшие в Табасаран, изображаются как благочестивые поборники мусульманской веры. Этим и объясняется, что Аллах, благосклонный к их деяниям, облегчал им длительное путешествие в жаркое время, послав тучи и облака.

Аналогичный мотив встречается и в других народных произведениях, а также в коранических сказаниях. «По просьбе Мусы Аллах закрыл их (сородичей. – М.Х.) тучей от жары» [17].

После похода Хаджи-Мурата в Хайдак и Табасаран отношения между Шамилем и Хаджи-Муратом обострились. Имам сместил его с должности наиба, а также велел сдать военную добычу. Верную, на наш взгляд, трактовку провала этого похода Хаджи-Мурата дает М.А. Аммаев: «Что же касается неудачного рейда Хаджи-Мурата в Хайдаг и Табасаран, он, на наш взгляд, был заранее обречен. Ни Омар Салтинский, с гораздо большими силами до этого, ни Бук-Мухаммед в последующем не смогли поднять край на восстание против русских. Сочувствие движению еще не означало готовности нести все тяжести борьбы в крае, в непосредственной близости от крупных баз регулярных войск. Пятьсот всадников Хаджи-Мурата тем более не могли выполнить эту миссию. Это был скорее повод к обвинению Хаджи-Мурата в провале, к попытке его ареста, о чем говорило столкновение его и посланного для ареста отряда при Батлаиче, на Хунзахском плато. Хаджи-Мурату предстояло сделать тяжелый выбор, и он был сделан – теперь уже на стороне русских войск против имама» [1, с. 11–12]. Нельзя не согласиться и с другим утверждением М.А. Аммае-

ва, что «слава и все растущая популярность Хаджи-Мурата становились опасными не только для противника, но и династических намерений самого Шамиля, в чьем окружении также появились тайные враги и завистники знаменитого наиба» [1, с. 11]. Последующее развитие событий (когда Хаджи-Мурату дают знать, что его хотят убить) способствовало принятию им решения 23 ноября 1851 г. перейти на сторону русских вместе с четырьмя преданными ему мюридами.

Деятельный Хаджи-Мурат, оказавшись в чуждой для него обстановке, переживал о семье, о которой у него не было вестей, рвался назад в горы. Жизнь, власть ничего не значили для него без горячо любимой семьи, и он принимает решение вновь бежать в горы. Князь М.С. Воронцов, тесно общавшийся с Хаджи-Муратом во время пребывания его у русских, в письме к князю А.И. Барятинскому писал: «...Я остаюсь уверенным, что только одна невозможность освобождения его семейства и то ложное положение, в которое он был у нас поставлен, вынудили его на роковой для него поступок» [5, с. 101]. Вот так трагически закончилась жизнь легендарного Хаджи-Мурата, бесстрашие которого было поразительно даже на Кавказе.

Олицетворением беспредельного героизма, воинственности, свободолюбия горских народов выступает, по преданиям, эпохальная личность Хаджи-Мурата, «и воина, и вождя по призванию» (Павленко), оставившего неизгладимый след в истории Кавказской войны.

Образ Хаджи-Мурата и его трагическая судьба привлекли внимание гения русской прозы Льва Толстого. Горькую участь Хаджи-Мурата он сравнил в повести «Хаджи-Мурат» с судьбой Сокола из горской притчи. Сокол, покинувший родные места, также погиб при возвращении на родину. Горестна мораль этой притчи: если ты уйдешь к чужим, у них все равно не сможешь жить, а захочешь вернуться к своим – они тебя уже не примут. В поэме «Возвращение Хаджи-Мурата» великого поэта XX в. Расула Гамзатова неприкаянный наиб Хаджи-Мурат слышит голоса матери, сына, покинутых им, и видит сквозь могильный холм, что «в огне пожаров весь Дагестан». И тогда он пророчески произносит:

Пусть кровь на землю моя прольется,
Я все же рад:
Хотя бы имя домой вернется –
Хаджи-Мурат! [18]

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алмаев М.А.* Хаджи-Мурат Хунзахский (штрихи к портрету и мотивации поступков) // Хаджи-Мурат в памяти потомков. Махачкала, 2002. С. 10–11.
2. *Ясулов Г.* «Хунзахские предания о Хаджи-Мурате» / подгот. к изд. аджам. текст *Д.М. Маламагомедов.* Махачкала, 2009. С. 40–42.
3. Зап. М. Магомедбеков в сел. Маали Гергебильского района.
4. *Казиев Ш.* Имам Шамиль. М., 2001. С. 207–208.
5. Хаджи-Мурат. Документы. Письма. Очерки. Факты / авт.-сост. *Р.Н. Иванов.* М.: Эхо Кавказа, 1999. 247 с.
6. *Павленко П.А.* Шамиль. Махачкала. 1990. С. 148.
7. Сказания народов Дагестана о Кавказской войне / сост. *М.Р. Халидова.* Махачкала, 1997. 168 с.
8. Информация проф. С.М. Хайбуллаева.

9. Зап. нами в 1993 г. в г. Махачкала от Айдемира Бугаева. Ему это предание рассказал житель сел. Гимры.
10. Информация гл. науч. сотр. ИЯЛИ С.Х. Ахмедова.
11. *Ципинов А.А.* Народная историческая проза адыгов. Нальчик, 2000. С. 73.
12. *Шульгин С.Н.* Из дагестанских преданий о Шамиле и его сподвижниках. (По воспоминаниям Сейида Абдурахима, сына Джемал эд-дина). Махачкала, 2008. С. 47.
13. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. 1909. Вып. 40. С. 67.
14. *Гулла и Казанбий Хаджи-Мурат.* Предания о Хаджи-Мурате // Дагестанский сборник. Махачкала, 1927. С. 47.
15. Информация вед. науч. сотр. ИЯЛИ Ф.О. Абакаровой.
16. Зап. фольклористом М.Р. Гасановым в 1964 г. в сел. Хурик от муллы Гусейна Гасанова // Сказания народов Дагестана о Кавказской войне. С. 61.
17. *Пиотровский М.Б.* Коранические сказания. М, 1991. С. 104.
18. *Гамзатов Р.* Собр. соч.: в 8 т. М., 2003. Т. 4. С. 16.

Поступила в редакцию 02.06.2016 г.

Принята к печати 30.09.2016 г.